

Татьяна Гартман

25 ОТТЕНКОВ РУССКОГО

ОТ ДРЕВНИХ СЛАВЯН ДО БУМЕРОВ И ЗУМЕРОВ

КНИГА О ТОМ, КАК ВАЖНО
ПОНИМАТЬ И СЛЫШАТЬ
ДРУГ ДРУГА ЛЮДЯМ РАЗНЫХ
ПОКОЛЕНИЙ И ВЗГЛЯДОВ

Русский без ошибок

Татьяна Гартман

**25 оттенков русского. От древних
славян до бумеров и зумеров**

«ЭКСМО»

2023

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

Гартман Т.

25 оттенков русского. От древних славян до бумеров и зумеров /
Т. Гартман — «Эксмо», 2023 — (Русский без ошибок)

ISBN 978-5-04-189551-8

Англицизмы, феминитивы, авторские неологизмы, аббревиатуры, молодёжный сленг — всё это неотъемлемые части русского языка. Одну и ту же мысль можно выразить совершенно по-разному, так, что ни одно слово не повторится. В новой книге Татьяны Гартман учтены трудности перевода с русского на русский: с детского на профессиональный, с бумерского на сокращённый, с молодёжного на феминистский и наоборот. В каждом пласте языка найдено множество ярких примеров, необычных историй и полезной информации. Книга написана легко, с юмором и любовью к русскому языку. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-04-189551-8

© Гартман Т., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Вступление	6
Оттенок первый	7
Оттенок второй	9
Оттенок третий	13
Оттенок четвёртый	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Гартман
25 оттенков русского. От древних
славян до бумеров и зумеров

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: primiaou/Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Гартман Т., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Вступление

Моя хотелка – спикать о русише трушно, чтобы мои риал соулмейты смогли меня просечь на изи.

Согласитесь, странное высказывание! Конечно, я бы так не сказала. Эта фраза с точно таким же смыслом может быть совсем другой. Например, такой: я уполномочена довести до вашего сведения данную информацию о средстве общения без использования искажённых фактов и с учётом интересов граждан, чтобы они имели возможность осознать всё вышесказанное.

И это тоже не мой язык, хотя всё написано по-русски. Я бы всё-таки сказала так: «Мне бы хотелось рассказать о русском языке честно и интересно, чтобы мои настоящие единомышленники смогли меня легко понять».

Каким разным может быть наш великий и могучий! Именно об этом пойдёт разговор в этой книге. Я хочу поделиться своими мыслями, чувствами, эмоциями, которые вызывает русский язык, а также разобрать процессы, происходящие в нём сейчас и происходившие раньше. А ещё мне безумно интересно, что станет с языком в будущем! Туда я тоже попыталась заглянуть. Что бы с русским языком ни случилось, любви к нему становится не меньше. Наоборот, появляется желание узнать его лучше и ближе, понять, разобраться со сложными проблемами и вместе идти дальше.

У русского языка, конечно, не двадцать пять оттенков, а гораздо больше. Но я выделила самые актуальные, самые наболевшие, самые спорные и интересные его стороны. Это не научный труд: я не лингвист, а учитель. Как учителю мне интересны удивительные факты, эксперименты, наблюдения, связанные с русским языком, – их я постоянно собираю, затем изучаю и анализирую. Я могу говорить о русском языке легко и с юмором, поэтому скучно не будет. Приглашаю вас вместе со мной погрузиться в этот удивительный мир неологизмов, англицизмов, галицизмов, аббревиатур, окказионализмов, архаизмов, чтобы вспомнить и почувствовать все прелести великого и могучего.

С любовью к русскому языку,
Татьяна Гартман.

Оттенок первый Современный русский

*Мне физически больно слышать
изуродованные русские слова:
«учёба» вместо «ученье»;
«захоронение» вместо «похороны»;
«глажка» вместо «глаженье»;
«зачитать» вместо «прочитать»
или «прочесть».*

*Люди, которые так говорят, – это убийцы великого, могучего,
правдивого и свободного русского языка...*

Борис Лавренёв, писатель

Какой ты, современный русский язык? Какие у тебя особенности и оттенки? Что мы в тебе любим, а чего не понимаем? К чему уже привыкли, а из-за чего нервничаем и переживаем?

Наш современный язык заметно отличается от русского языка трёхсотлетней, двухсотлетней, столетней и даже десятилетней давности. Однако есть кое-что общее. Во все времена находятся люди, которые недовольны тем, что происходит с языком, которые считают, что его портят, засоряют недостойными словами и выражениями, неправильно используют. Самые ярые активисты не могут с этим смириться и постоянно кидаются спасать великий и могучий.

Корней Чуковский ещё шестьдесят лет назад в книге «Живой как жизнь» писал: «Вообще в наших нынешних спорах о родном языке больше всего поразительна их необыкновенная страстность. Чуть только дело дойдёт до вопроса о том, не портится ли русский язык, не засоряется ли он такими словами, которые губят его красоту, самые спокойные люди вдруг начинают выходить из себя». Так было всегда. За сорок лет до Чуковского учёные Лев Владимирович Щерба и Лев Петрович Якубинский тоже били тревогу и говорили о «смутных временах» для языка: «Язык стал крайне небрежен, неряшлив и стал пестрить иностранными словами и оборотами больше, чем это было раньше».

Есть люди, которые легко подхватывают и лихо используют все новомодные слова, есть отчаянные пуристы, которые ругают всё непривычное, а есть и те, кто осторожно присматривается, наблюдает из-за угла и не спешит делать выводы. Мне безумно интересно всё, что происходит с языком, и я стараюсь, с одной стороны, уважать традиции, а с другой стороны, «прошарить» все его «тренды». Ведь совершенно очевидно – многое из того, что казалось неприемлемым когда-то, со временем становится естественным и родным.

Так что же так раздражает ревностных борцов за чистоту языка? На самом деле и ранее, и сейчас хранители традиций указывают на одни и те же основные проблемы.

Во-первых, это засилье иностранных слов – в XXI веке, естественно, англицизмов. В некоторых сферах их действительно очень много. Когда речь заходит о компьютерах, интернете, спорте, сфере услуг, моде, кулинарии, количество заимствований из английского языка просто зашкаливает. «Сорян, но и олды, и нубы юзают инглиш в своём спиче на изи», что в переводе с «русского» на русский означает «Извините, но и ветераны, и новички используют англицизмы в своей речи легко».

Во-вторых, многим не нравится засорение языка просторечиями, современным сленгом, диалектизмами, профессионализмами, жаргонизмами, появление множества модных слов и выражений. Все эти – измы действительно повывлезали изо всех утюгов и щелей и захватили прежде всего устную речь. «Их уже овердофига, и это не по кайфу», то есть «Их уже очень много, и ничего хорошего в этом нет».

В-третьих, некоторым кажется неприемлемым изменение значений привычных слов и выражений, когда глагол «орать» уже означает не «кричать», а «хохотать до истерики», а существительное «дичь» из «диких зверей» превращается в «ерунду».

В-четвёртых, не все принимают упрощения или, наоборот, сложные слова. Среди аббревиатур можно встретить, например, МЧ (молодого человека) с завышенным ЧСВ (чувством собственной важности), а сложение основ приводит к таким непонятным словам, как бренд-шеф (человек, отвечающий за фирменный стиль) или груминг-са-лон (салон красоты для животных).

Сегодня не всякая нелитературная лексика стремится попасть в литературную. Иностранщины и сленга, конечно, в нашей речи хоть отбавляй, тут не поспоришь, и на эти темы у нас ещё будут серьёзные разговоры. А вот, например, диалектизмы в последнее время ведут себя весьма скромно и в литературный язык не лезут. Многие слова из разных говоров, которые, по мнению некоторых, засоряли язык раньше, либо забыты, либо стали литературными. Например, закрепилась в языке «лайка», пришедшая из Архангельской области, а также «унты» с Амура и «ширинка» из Рязани. Сейчас процесс «олитературивания» диалектных слов заметно сбавил обороты.

Почти такая же картина и со сложными словами и аббревиатурами – они появляются не очень часто и не так заметны в речи. Но сто лет назад был просто бум подобных неологизмов.

Оттенок второй *Революционный русский*

*В далёкой солнечной Италии,
На берегу речонки По
Схватил Лукрецию за талию
Позапепипупепапо.*

Марк Тименс, поэт

Облупрпромпродтовары, ивгосшвейтрикота-жупр, урггоррудметпромсоюз... Что это? Это не произвольный набор букв, не скороговорка на иностранном языке, не стенограмма речи человека, находящегося под градусом, – это слова, рождённые революцией.

Одно из самых ярких потрясений, которое пережил русский язык, связано с Великой Октябрьской революцией 1917 года. Революция основательно коснулась и языка. Алфавит изменили; городам дали новые названия, в основном в честь «красных» вождей; пугающие аббревиатуры заполнили всё вокруг.

Ростглавстанкоинструментснаббыт – чтобы такое выговорить, нужно долго тренироваться. Перевод не как уж и страшен – Ростовское главное станко-инструментальное снабжение и сбыт. Или пример попроще – Оюшминальд. Если бы я встретила это слово в книге о Гарри Поттере, и оно означало бы заклинание, которое отправляет человека на Луну, я бы не удивилась. Хотя на самом деле Оюшминальд – это мужское имя, которое расшифровывается как «Отто Юльевич Шмидт на льдине».

НЭП подарил нам множество сложных непроизносимых слов и аббревиатур. Само слово *НЭП* не что иное, как «новая экономическая политика». В сокращения могли взять не только одну букву от слова, а и две, и три – резали и складывали как попало. Не все аббревиатуры были ужасающе длинными, встречались названия и покороче: *румчерод* (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы), *ликбез* (ликвидация безграмотности), *МУР* (Московский уголовный розыск). Старшее поколение ещё помнит, что означают слова *нарком* (народный комиссар), *командарм* (командующий армией), *ГПУ* (Государственное политическое управление), *рабфак* (рабочий факультет), *ГОЭЛРО* (Государственная комиссия по электрификации России). Что такое *продналог*, можно и догадаться, хотя мы с ним не сталкивались, – это продовольственный налог, естественно. А перевести с русского на русский слова *земгор*, *домкомбед*, *викжель* или *начоперот* человек неподготовленный вряд ли сможет. Ведь давно канули в Лету союзы земств и городов (земгор), домовые комитеты бедноты (домкомбед), да и Всероссийского исполнительного комитета бедноты железнодорожников уже не существует (викжель). Должность «начальник оперативного отдела», возможно, где-то и осталась, но человека, её занимающего, начоперотом уже никто не назовёт.

Повальное увлечение аббревиатурами высмеивали некоторые поэты и писатели. В школе, например, до сих пор изучают стихотворение Владимира Маяковского «Прозаседавшиеся», в котором поэт иронично окрестил все трудновыговариваемые названия учреждений одним общим словом – «А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-ком». А если мы вернёмся в начало главы и прочитаем эпиграф, то столкнемся с потрясающей должностью от поэта Марка Тименса – *позапепипупепапо*, что означает «помощник заведующего Первым питательным пунктом Петропавловского потребительского общества».

В известной повести Григория Белых и Леонида Пантелеева «Республика ШКИД» очень хорошо передано отношение детей к популярным в советское время аббревиатурам – если их нет, то надо придумать:

– *А почему вы школу зовёте Шкид? – спрашивал Колька на уроке, заинтересованный странным названием.*

Воробышек ответил:

– *Потому что это, брат, по-советски. Сокращённо. Школа имени Достоевского...*

– *А как зовут заведующего?*

– *Виктор Николаевич.*

– *Да нет... Как вы его зовёте?*

– *Мы? Мы Витей его зовём.*

– *А почему же вы его не сократили? Уж сокращать так сокращать. Как его фамилия?*

– *Сорокин, – моргая глазами, ответил Воробышек.*

– *Ну, вот: Вик. Ник. Сор. Звучно и хорошо.*

– *И правда, дельно получилось.*

– *Ай да Цыган!*

– *И в самом деле, надо будет Викниксором величать.*

Попробовали сокращать и других, но сократили только одну немку.

Получилось мягкое – Эланлюм.

Оба прозвища единогласно приняли.

Справедливости ради стоит заметить, что некоторые революционные языковые нововведения оказались довольно долговечными. Мы до сих пор употребляем такие слова, как *врио* (временно исполняющий обязанности), *военкор* (военный корреспондент), *жилплощадь* (жилая площадь), *ТЮЗ* (театр юного зрителя), *сопромат* (сопротивление материалов), *биофак* (биологический факультет) и другие – *факи*. Кроме того, и частички слов, как, например, *зам*, *спец*, *глав*, тоже прижились и всюду используются в современном словообразовании. К тому же наши улицы, площади и бульвары хранят память о словах революционного периода. В разных городах России можно найти улицу Коминтерна (Коммунистический интернационал) или площадь Комсомольскую (Коммунистический союз молодёжи).

Порой возникали и очень смешные аббревиатуры. Замкомпоморде – это вам не удар «замком по морде», а заместитель комиссара (или командира, или командующего) по морским делам. Дивчерт к чёрту не имеет никакого отношения, это дивизионный чертёжник. А кто такие Трепетун и Чреквапап? Это не те, кто трепещет и квакает чревом или лапами. Это Третий петроградский университет и Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей. Иногда дело доходило до слов, очень напоминающих неприличные. Пер-косрак, например, имеет аж две расшифровки: «Первая коммунистическая ракета» и «Первый коммунистический союз рабочего и колхозницы». Не могу не вспомнить, как мой знакомый режиссёр с сарказмом рассказывал о том, что получил *засраку*, то есть звание заслуженного работника культуры. Кстати, народ с юмором реагировал на ситуацию и придумывал свои расшифровки для некоторых аббревиатур. Добровольная народная дружина (ДНД) превратилась в «дома нечего делать», Волжский автомобильный завод (ВАЗ) стал словосочетанием «возможно, автомобиль заведётся», а название страны Союз Советских Социалистических Республик (СССР) после распада перевели как «сажали, сеяли, строили, разрушили».

Сейчас нелепые аббревиатуры тоже встречаются, куда же без них?! Периодически филологи, журналисты, пользователи интернета даже составляют списки самых забавных и смешных названий. В них входит, например, непроизносимое ГУЗМОМОЦПБСПИДИЗ (Государственное учреждение здравоохранения Московской области «Московский областной центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями»), почти непри-

личное МУДОД (Муниципальное учреждение дополнительного образования детей), а также зубодробительный ЦМАМЛС (Центральный московский архив-музей личных собраний). Ну а самым популярным среди подобных учреждений, конечно, является ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт.

Особое место в революционных сокращениях занимают имена. В «Словаре русских личных имён» Никандра Петровского, над которым автор работал около 20 лет, можно найти популярные имена прошлого: Ревдит (революции дитя), Пофистал (победитель фашизма Иосиф Сталин), Лачекамора (лагерь челюскинцев в Карском море), Гласп (предположительно: гласность печати). Были среди странных революционных имён и такие, которые оказались не однодневками, и долгие годы после ВОСР (Великой Октябрьской социалистической революции) ими называли малышей – например Владлен или Владилен (Владимир Ленин, Владимир Ильич Ленин), Нинель (это тот же Ленин, только наоборот), Ким (Коммунистический интернационал молодёжи).

Подобными именами награждали детей, стараясь идти в ногу со временем. Такое ощущение, что родители соревновались друг с другом, кто изловчится и придумает наиболее причудливое имя своему ребёнку, в котором были бы зашифрованы самые глубокие революционные смыслы. В поколении моих родителей ещё встречаются красивые, необычные имена, которые при ближайшем рассмотрении могут оказаться советскими агитками. Я бы выделила пять основных групп таких имён.

В первую группу отправим слова, которые символизировали революцию. Их оставили в неприкосновенности: Революция, Баррикада, Индустрия, Аврора, Искра, Авангард.

Во вторую группу входят слова, образованные от таких же слов-символов с помощью суффиксов: Правдина, Октябрина, Ноябрина.

В третьей группе оказались слова, составленные из инициалов или имён идеологов и вождей революции: старые знакомые Вилен и Нинель, а также Мэлс (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), Дзефа (Дзержинский Феликс), Будёна (Будённый), Л е д ат (Лев Давидович Троцкий), Марксэн (Маркс, Энгельс), Фэд (Феликс Эдмундович Дзержинский), Марлен (Маркс, Ленин).

Четвёртую группу имён образуют сокращённые словосочетания революционного характера: Ревмир/Ревмира (революция мира), Росик (Российский исполнительный комитет), Велир (великий рабочий), Диамара (диалектический материализм), Дэвил (дитя эпохи В. И. Ленина), Изайль (исполнитель заветов Ильича), Вилуза (Владимира Ильича Ленина-Ульянова заветы), Арлен (армия Ленина), Красар (Красная армия).

Ну а пятая группа самая, на мой взгляд, примечательная – в неё попали сокращённые лозунги: Даздраперма (Да здравствует Первое мая!), Даз-драсмыгда (Да здравствует смычка города и деревни!), Леннор (Ленин – наш организатор!), Далис (Да здравствуют Ленин и Сталин!).

Увлечение такими именами давно сошло на нет, но сейчас появилась новая мода, и среди нынешних девочек и мальчиков мы вполне можем встретить Лучезара, Радосвета и Златогора; Зевса, Тесея и Геракла; Бэль, Фиону и Аладдина; Байкала, Эльбруса, Енисея и Крыма. Тенденции видны невооружённым глазом. Мы могли бы обнаружить и ещё более невероятные имена, но творческий полёт фантазии родителей слегка притормозил закон, принятый в 2017 году, запрещающий давать детям имена, которые содержат цифры, знаки препинания, должности, а также бранные и неэтичные слова.

Оттенок третий Заменимый русский

Главная причина, к какой многие нынешние писатели относят необходимость рабственного подражания их французам, состоит в том, что они, читая французские книги, находят иногда в них такие слова, которым, по их мнению, на нашем языке нет равносильных или точно соответствующих.

Что ж до того? Неужели без знания французского языка не позволено быть красноречивым?

Мало ли в нашем языке таких названий, которых французы точно выразить не могут?

Александр Шишков, писатель, государственный деятель

Говорят, незаменимых людей нет... А слова? А слова лучше оставить в неприкосновенности!

Не надо заменять наши, исконно русские слова на заимствования из других языков! Зачем нам они? Англицизмы всякие, галлицизмы и прочие – *измы*... У нас есть свои, не менее достойные слова, а если и нет, то их нужно придумать!

Такие мысли довольно регулярно посещают наших современников, да и много лет назад находились те, кто яростно вставал на защиту языка от иностранщины. Если вернуться в Россию конца XVIII – начала XIX века, когда заимствования, в основном французские, активно проникали в русский язык, то можно столкнуться с «шишков-щиной». Идейный вдохновитель этого явления – Александр Семёнович Шишков (1754–1841 гг.), писатель, переводчик, критик, адмирал, политик, академик, министр народного просвещения. Он лично, а также его единомышленники активно боролись с иноязычными словами, причём боролись конструктивно – предлагали заменять русскими. Самые популярные замены, которые приписываются Шишкову, – это, конечно, *мокроступы* (калоши) и *топталнице* (тротуар). Этот замечательный список могут продолжить *сверкальцы* (бриллианты), *хомут* (шарф), *водоём* (фонтан), *книжница* (библиотека), *тихогром* (фортепиано), *просад* (аллея), *шарокат* и *шаро-тык* (бильярд и кий). Существует даже пародийная фраза, которая звучит как будто бы очень по-шишковски: «Хорошилище идёт по гульбищу из позорища на ристалище», что в переводе должно означать «Франт идёт по бульвару из театра в цирк».

Подобные пародии родились не случайно – ведь сам Шишков в своём «Славянорусском корнеслове» писал: «Я читаю на ваших визитных билетах: министр, генерал, камергер, камер-юнкер, фрейлина, генерал-аншеф, министр юстиции, полиции. На вывесках читаю я: магазин, фабрика, мебель, при учениях войск слышу: дирекция, эшелон, контрмарш, гауптвахта, комиссариат, казарма, канцелярия. Но все сии слова и тысячи других, чужеземных, не стоят одного из столь прекрасных, столь многозначительных слов, какими изобилует первобытный ваш язык...» Шишков действительно не только критиковал увлечение заимствованиями, но и активно подбирал русские аналоги для иностранных слов. Вершиной его словотворчества стал попугай, переименованный в *переклитку* в мемуарах «Воспоминания о моём приятеле»: «... вдруг услышал я у ног моих некий крик: это была сидевшая подле него переклитка (маленький попугай), которая, не знаю почему, не любила меня...» По прошествии двухсот лет мы можем утверждать, что у *переклитки* не было шансов «выжить» и заменить *попугая*, да и такие слова, как *фабрика*, *эшелон*, *канцелярия*, уже давно не кажутся нам чужеродными элементами.

Стоит заметить, что некоторые предложения Шишкова были вполне логичны. Например, он рекомендовал использовать слово *двоища*. В принципе, *двоища* могла бы комфортно обос-

новаться в русском языке, ничего плохого и нелепого в ней нет, но и здесь иностранное слово *пара* взяло верх.

Методы филологической борьбы Шишкова не отличались благородством. Например, критик часто ссылался на письмо от некоего современного писателя, приводил из него отрывки, в которых были сплошные галлицизмы, но... Никакого письма на самом деле не было, его выдумал сам Шишков. А что самое интересное, его основной оппонент, историк и писатель Николай Михайлович Карамзин, делал почти то же самое – он публиковал в журнале пропитанные феминизмом статьи выдуманного автора, вернее, авторши, или даже, как сейчас говорят, авторки.

Шишков был символом пуризма того времени, и поэтому в его сторону постоянно летели «тухлые помидоры». Если речь заходила о заимствованиях, то современники безоговорочно вспоминали нашего хранителя русского языка (не без иронии, конечно), как, например, Пушкин в романе «Евгений Онегин»:

Она казалась верный снимок
Du comme il faut... (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

Писатель Гавриил Батеньков иронизирует над языковыми пристрастиями Шишкова и от его имени продолжает язвительный список слов-«эмигрантов» и их русских замен: «...*Влияние уступит наваждению, гений* заменится *розмыслом, уважению* явится на смену *говенство, и соображение* запищит под тяжёлою пятою *умоклучения...*».

Были у Шишкова и сторонники. Например, декабрист Павел Пестель тоже хотел превратить русскую армию в рать, солдат в ратников, колонну в толпник, а штаб в управу.

Возможно, кому-то покажется удивительным, но Владимира Даля, автора легендарного «Толкового словаря живого великорусского языка», отчасти можно считать продолжателем дела Шишкова. Хотя сам Даль и критиковал шишковские способы словообразования, тем не менее он тоже любил придумывать неологизмы, чтобы заменить заимствования. Лексикограф даже «перевёл» некоторые термины: *синонимы* у него стали *тож-десловами*, а *иностранные слова* – *чужесловами*, *win чужесеречиями*. С последними Даль вёл активную борьбу, причём частенько перегибал палку. Он мог (вслед за Шишковым) упрекнуть даже за употребление таких слов, как *система, эмансипация, феодальный, аристократия, эпоха, цивилизация, характер, пропаганда, сцена, акция, моральный, гармония*. Даль не считал, что язык должен развиваться бесконтрольно, – он полагал, что ему нужно помогать, о нём нужно заботиться и даже сознательно его строить. «Если мы станем вводить пригодные слова исподволь, у места, где они ясны по самому смыслу, то нас не только поймут, но станут даже у нас перенимать».

Даль пытался известить иностранщину с помощью вновь придуманных слов. Он хитрил и прятал в словаре собственные неологизмы среди просторечий и диалектизмов, объяснял, что слова не сочиняет, а просто придаёт им другое значение. Но иголки в стоге сена всё-таки нашлись, и таких «иголок» оказалось довольно много. Филолог Александра Дейкина считает, что «новообразования, которые Даль создал сам или взял из неизвестного источника», встречаются в его знаменитом словаре около четырнадцати тысяч раз! Объясняя слово *горизонт*, Даль использует выдуманные синонимы (вернее, тождесловы) *небозём* и *глазозём*, *атмосферу* он называет *мироколицей* и *колоземицей*, *антагонизм* превращает в *противосилие*, *аксиому* в *самоистину*, *кашине* в *носопрятку*, *гармонию* в *соглас*, а *гимнастику* в *ловкосилие*. А свою нелюбовь к слову *эхо* Даль, например, выразил с помощью одиннадцати синонимов (тождесловов) с русскими корнями, часть из которых он сочинил сам: *отголосье, вторье, отгул, зык, позык, назык, паголосье* и другие. Лексикограф надеялся, что *эхо* станет изгоем, и в конце словарной статьи он прямо заявил о желании избавиться от подобных слов:

«Несклоняемые чужесловы надо бы стараться изгнать».

Некоторым иностранным словам Даль находил замены среди слов «народных», которые просто наделял новым значением: «Если я, например, предложил вместо *автомат* более понятное русскому слово *живуля*, то оно не выдуманно мною, хотя и не употреблялось в сем значении; оно есть, например, в загадке: сидит живая живулечка на живом стулечке, тербит живое мясо (младенец сосёт грудь)».

Неологизмы Даля остались в истории, сейчас мы их не употребляем. Хотя, если честно, мне многое из его словотворчества кажется красивым, точным, ярким, и я была бы не против, если вместо *аорты* стали бы говорить *царь-жила*, *балласт* называли бы *пустогрузом*, а *архитектор* превратился бы в *художника-строителя*. Однако время рассудило иначе и по-своему расставило все слова по местам.

Но, похоже, битва за чистоту русского языка ещё не окончена. В наше время энтузиасты-одиночки, желающие защитить русский язык от иностранщины и предложить русские слова-заменители, тоже встречаются. Не далее как летом 2022 года председатель Государственного совета Республики Крым Владимир Константинов заявил о создании специального словаря под названием «Говорим по-русски». По мнению Константинова, засилье англицизмов «опасно для нашей культуры и языка, и пора с этим покончить». В новом словаре «указаны русские варианты заимствованных слов»: *блокбастер* – *успешный фильм*, *гуглить* – *искать информацию в интернете*, *дедлайн* – *крайний срок*, *кеш* – *наличные деньги*, *спойлер* – *раскрытие сюжетного поворота*, *флешмоб* – *массовая акция*, *хайп* – *ажитаж*, *ноу-хау* – *секрет производства*, *селфи* – *фотографирование*. Мне одной показалось, что русские аналоги длинноваты, не очень точны, а некоторые из них тоже заимствования, только более ранние?

Вслед за крымским активистом против засорения русского языка выступила председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко. Она поручила комитету по науке, образованию и культуре разобраться с необоснованным использованием иностранных слов и решить эту проблему на законодательном уровне. Во что это вылилось, я расскажу чуть позже. А пока приведу обоснование Матвиенко: «Наша ответственность – сохранять язык Пушкина, язык, которым мы гордимся, и прекратить эти все новые веяния, которые абсолютно неуместны». Где-то я такое уже встречала... Скорее всего, в начале главы, когда рассказывала о Шишкове... Или в середине, когда речь шла о Дале... Хотя, конечно, нельзя не заметить, что в XXI веке новая мощная волна иностранных слов накрыла русский язык, и каким он станет после очередного шторма, наши потомки объективно оценят лет через сто.

Оттенок четвёртый Нежелательный русский

*Агафье говорила Нюра:
Чудесна нынче конъюнктура,
И мой опинион таков,
Что есть немало женихов.
Но, хоть я этому и рада,
Дифференцировать их надо,
Давай, Агафья, мы вдвоём
По ним дебаты проведём...*

Евгений Бергер, писатель

Мы продолжаем говорить об иностранных словах в русском языке, их уместности и отношении к ним всех равнодушных. В этой главе речь пойдёт прежде всего о заимствованиях, которые не полюбили писателям, лингвистам, политикам. Многие литераторы хоть филологическим импортозамещением активно не занимались – не выискивали русские аналоги для иностранных слов, не придумывали свои версии, не упражнялись в словотворчестве, – но тем не менее тоже выступали против иностранных слов в русской речи, ругали и высмеивали тех, кто этим злоупотребляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.